

In angello cum libello

Ночью она покинула стоянку. Мы больше не произносили её имени — никто не должен упоминать имени человека, ушедшего на поиски Снежного странника.

Фарли Моуэт. Снежный странник

Змеясь среди скал, вверх вела тропка. Она то скрывалась среди каменных нагромождений, то лепилась тонким карнизом над крутизной. Тропа предков.

Юрий Рытхэу. Нунивак

Глава первая

АНИПА БЕЖИТ ОТ ЧЁРНОЙ ГОРЫ

«Медведь услышал, как чавкает лисица, и позавидовал ей.

— Делись! — заревел медведь.

— Что ты! — ответила лисица. — Для тебя тут совсем мало, ты вон какой! Я лучше научу тебя, как быть сытым, когда нечего есть.

— И как?

— Я ем свои внутренности. Они ох какие вкусные! И ты делай так же.

Медведь был глупый и поверил. Когтями вспорол себе брюхо, начал вытягивать внутренности и занемог.

— Вот недотёпа! — рассмеялась лисица.

Медведю стало обидно. Он расшвирипел и прыгнул на обманщицу, но кишками зацепился за кусты и помер.

— А вот и запас на зиму, — обрадовалась лисица».

Дослушав сказку, Матыхлюк выпустил из рук большой нерпичий поплавок и помчался за ним с холма навстречу кочкарной тундре. Анипа устала веселить брата, к тому же распухшая губа мешала ей говорить, и, когда Матыхлюк отбежал подальше, Анипа вздохнула с облегчением.

За холмом лежал простор, жёлтый, как шкура старого медведя. По одну руку он выводил к Мутной речке, по другую — к прибрежным скалам, а впереди темнели горные кручи. Родители запрещали ходить к морю, но Анипа позавчера тайком выбралась к Скале, похожей на живот, и закопала там в гальку несколько рыбьих голов. Представляла, как они с братом сегодня откопают их и будут обсасывать на обратном пути в стойбище, а пока жевала комочек нерпичьего жира.

Анипа на ходу поправляла мешок из тюленьей кожи и отмахивалась от облачка надоедливового гнуса. Месяц береговых лежбищ морского зайца — самое время собирать морошку, голубику и шикшу. Здесь, в Тихом доле, встречались и луговой лук с холодным белокопытником. Мама нехотя отпустила дочь на женскую охоту за дикоросами. Предпочла бы оставить Анипу в землянке и не сводить с неё глаз, но страх перед грозившей стойбищу бедой заставил родителей пренебречь обычной осторожностью.

Утопая в летнем разнотравье, Анипа срывала продолговатые листочки ползучей ивы и срезала нежные ивовые

корешки. Поглядывала на брата и, не сдержавшись, почёсывала зудевший нос. Вслух ругала себя и даже кусала непослушные пальцы, но поделать ничего не могла. Прошло немало дней с той ночи, как бабушка Стулык нанесла ей на лицо чёрные полосы, а припухлость не спадала. Анипа боялась, что навсегда останется раздутой, но гордилась собой: знала, что будет больно, с дрожью следила, как мама готовит костяную проколку, но не проронила ни звука и только не переставая плакала, из-за чего бабушка ворчала и грозила, что узор получится блёклый. Бабушка прокалывала кожу и втирала в неё перегоревший жир, затем пучком сухого мха стирала выступившую кровь. От нижней губы до подбородка опустились четыре сдвоенные полосы. Анипа не думала стать такой же красивой, как мама, покрывшая узорами и лицо, и руки, однако надеялась превзойти Укуну из соседней землянки — в детстве та не вытерпела боли: подбородок украсила, а на носу носила единственную, едва намеченную полосу. Бабушка почувствовала решимость Анипы и, не задавая вопросов, сделала первый прокол на переносице. Анипа всё равно не смогла бы ответить: открой она рот, в опережение любых слов вырвался бы стон.

Нос и нижняя губа распухли, занемели, будто обожжённые снегом, но Анипа была счастлива. Проворочалась бессонную ночь, а утром побежала к Звонкому ручью у Поминального холма взглянуть на своё отражение. Она и сейчас, отвлекаясь от охоты, выискивала мелкие озёрца — пересчитывала на лице сдвоенные полосы: четыре на подбородке

и три на носу. Глядя на отражение в зеленоватой воде, туже затягивала жилые верёвочки на косах, трогала покрасневшую переносицу и осматривала одежду: лёгкую кухлянку из евражьих шкур, нерпичьи штаны с росомашьей опушкой, бережной ремень. Анипа грустила, признавая, что по-прежнему выглядит обычной девочкой.

Она с прошлого года ложилась спать с Илютаком, своим мужем. Поначалу бабушка не пускала их в отдельный полог, укладывалась между ними, опасаясь, что Илютак подлезет к Анипе раньше времени и повредит её — повреждённая, она не родит ребёнка, — затем убедилась в сдержанности Илютака и оставила их наедине, а недавно, в месяц вскрытия рек, подговорила их ночью прижиматься друг к другу, сказала, что мужское тепло быстрее пробудит в Анипе женщину и они с Илютаком наконец станут настоящими мужем и женой.

Ни чёрные полосы на лице, ни запах мужа пока не помогли. Анипа бросила в озерцо камень — разбила своё отражение — и зашагала дальше, высматривая красные вкрапления кисличника. Илютак был немногим младше мамы и нетерпения не проявлял, но Анипе самой хотелось порадовать всех беременностью. На долю людей из стойбища в последнее время выпало слишком уж много невзгод.

Анипа шла в задумчивости, слепо поворачивала на голос резвившегося брата и не заботилась о выбранном направлении. Останавливалась сорвать ягоды, высвеченные полетному раздобревшим солнцем. Не заметила, как порыв ветра принёс летучую травяную пыль. Анипа загородила лицо

руками, но укрыть его от желтоватой взвеси, в которой потерялся даже неугомонный гнус, не могла и, стиснув зубы, терпела усилившийся зуд. Вскоре примчался Матыхлюк. Анипа обняла брата, опустилась с ним на колени, зажмурилась. Они пережидали ветер, мирясь с неприветливостью тундры, и брат плакал из-за улетевшего поплавок. Анипа боялась, что Матыхлюк убежит искать любимую игрушку, поэтому занимала его сказками — прикрыв рот ладонью, говорила о мудрейшем духе, поселившемся в землянке из прозрачных слезинок, об охотнике, побывавшем в стране косаток, и старике, надевшем орлиную шкуру, чтобы подняться к хозяину Верхнего мира.

Когда ветер перестал, Анипа повела брата искать нерпичий поплавок. Матыхлюк отбегал в сторону, однако неизменно возвращался и, понурый, шёл возле сестры. Анипа давала ему свежую морошку, протягивала мешок из моржового желудка, в котором несла чистую воду, и обещала, что сделает заквашенную в крови ягодную толкушу.

— Как? — с сомнением спросил Матыхлюк. — У нас нет крови.

— Будет! Вот увидишь.

— Скоро месяц ухода из гнёзд молодых кайр.

— И что? Времени хватит! — Анипа старалась говорить уверенно.

— А если не хватит?

— Тогда съешь водоросли. Разве плохо?

Анипа руками показала, как обмакивает пучок водорослей в нерпичий жир и, запрокинув голову, медленно

опускает его себе в рот. Призналась, что спрятала в прибрежной гальке рыбы головы — они дозрели и ждут, когда Матыхлюк до них доберётся. Брат развеселился. О запрете приближаться к морю даже не вспомнил, хотя обычно боялся его нарушить. Матыхлюк вообще многого боялся. Анипе было приятно чувствовать себя смелой, хотя бы в сравнении с младшим братом. В конце концов, папа показывал ему, как бросать гарпун, значит, считал сына почти взрослым.

Сделать новый поплавок легко. Возьми цельную шкуру нерпы, соскобли жир, завяжи отверстия от лап и головы и... надуй! Анипа справлялась с этим не хуже мамы. Однако нерпа охотникам давно не попадалась. Матыхлюк весной едва выпросил себе самый старый и потёртый поплавок. Заменить его будет трудно.

Анипа следовала за братом, перебегавшим с одного холма на другой, и собирала белокопытник, наскоро выкапывала корешки. Обещала себе утром отправиться на берег, к скале Вороний клюв, куда бурей выбрасывало бурые водоросли. Летом они горчили, а к осени становились нежными. Брат будет доволен, но есть водоросли придётся тайком, как и рыбы головы, иначе родители узнают о вылазках к морю и больше не отпустят детей на женскую охоту.

Над головой скользили неугомонные глупыши. Они поблёскивали белым пузом, смотрели на Анипу чёрными угольками глаз и на лету кричали скрипучими голосами — так в мороз скрипит свежавыпавший снег. Поджатые лапки глупышей чуть подрагивали под куцым хвостом,

крылья с тёмно-коричневыми пятнами казались перепачканными в грязи. Птицы торопились к морю, указывали путь блуждавшим по тундре людям, зазывали их с собой, прочь от болотистых ложбин.

Проводив глупышей взглядом, Анипа задумалась о том, где они живут долгую зиму, прежде чем в месяц ранних птиц вновь объявиться на побережье. Пожалуй, этого не знал и старик Айвыхак, хранивший предания о самых причудливых краях, настолько далёких, что даже зимние вьюги не достигали их пределов. Следом Анипа вспомнила о полосах на опухшем лице. Захотела найти очередное озерцо и лишний раз убедиться в собственной красоте, а если повезёт — увидеть, что припухлость спадает, но вскоре о себе напомнил Матыхлюк.

Анипа решила, что брат нашёл поплавок и зовёт её скорее идти за рыбьими головами, но в руках у прибежавшего к ней Матыхлюка был вовсе не поплавок.

— Что это?

— Мой новый оберег! — заявил Матыхлюк и протянул сестре камень с гладкими обточенными краями.

Анипа взяла находку и обнаружила, что та на удивление лёгкая, будто вырезанная из плавникового дерева. Необычный камень вполне мог стать оберегом, которому позавидовал бы Тулхи из соседней землянки. Анипа хотела поздравить брата, но заметила, что камень оставил на её пальцах бурую грязь, словно его покрыли плохой краской — истолкли сухую ольховую кору, но добавили мало воды, и краска со временем начала шелушиться, отпадать.

Смутное подозрение заставило сердце сжаться. Подняв голову, Анипа вздрогнула и выронила камень.

— Ты чего?! — возмутился брат.

Они слишком увлеклись охотой за дикоросами. Бегали по просторам Тихого дола, играли и смеялись над медведем, накормившим собой лисицу-проныру. Болтали о водорослях и лакомились морошкой. Анипа беспокоилась о полосах на носу и подбородке, Матыхлюк переживал из-за улетевшего поплавка. Обманчиво длинный солнечный день, едва стеснённый бледными сумерками, убаюкал и заманил в ловушку.

Анипа попятилась. Споткнулась о кочку и, неуклюже расставив руки, села прямиком в лужу. Намочила штаны и помяла ягоды, сложенные в мешок из тюленьей кожи. Немигающими глазами уставилась на возвышавшуюся над ней Чёрную гору.

— Ой... — простонал Матыхлюк.

Они не заметили, как отклонились к Евразьей поляне, приблизились к извитому руслу страшного Каменистого ручья и добрались до предгорья Чёрной горы. Ни птиц, ни заблудшей лисицы или полёвки. Чёрная гора отпугивала всё живое. Поднимись на её вершину, перевали через мрачный гребень — и не найдёшь обратного пути. Когда окажешься по ту сторону Чёрной горы, как ни встань, она будет у тебя за спиной. Закутает в туман и напустит морок такой силы, что всякий раз, пытаясь к ней вернуться, будешь от неё отдаляться, глубже заходить в гиблые Чёрные земли, в самое сердце Скрытого места.

Анипа стряхнула страх.

Нужно действовать. Немедленно. Пока не поздно.

Анипа вскочила. Кинулась искать веточку, листочек — что-нибудь! — только бы отшвырнуть проклятый камень и больше к нему не прикасаться. Ничего подходящего не нашла. Сорвала с плеч мешок с дикоросами, запуталась в ремнях и взывала от досады. В отчаянии упала на колени, закричала на камень самым яростным и громким криком, на какой была способна.

Накричавшись, присмирела. Развязала обережной мешочек, сшитый из двух оленьих ушей, и отобрала лучшие бусины — самые крупные, прежде бывшие зубами молодого моржа и выточенные для Анипы папой. Вслух обратилась к хозяину предгорья, умоляя простить её с братом за то, что они нарушили его мертвенный покой. Положила три бусины возле проклятого камня. Одолев мимолётное сомнение, добавила к ним беленький птичий клювик.

Матыхлюк, ошеломлённый, наблюдал за сестрой. Не пошевелился, когда она позвала его прочь от Чёрной горы. Анипа схватила брата за руку и силой потащила за собой. Вспомнила об испачканных пальцах и принялась тереть их пучком травы. Не помогло. Тогда Анипа заметалась в поисках лужи, но кочки, как назло, всюду попадались сухие. Закружившись, услышала, как её дрожащим голосом окрикнул Матыхлюк, и поняла, что постепенно возвращается назад, к Чёрной горе. Морок действовал даже здесь, в предгорье... Анипа вернулась к брату. Достала мешок из моржового желудка — полила руки чистой водой. Оттёрла бурую грязь с пальцев и прошептала Матыхлюку:

— Бежим.

Из-за горы, из глубин Скрытого места, донёлся шипящий нарастающий гул. Хлестнул ветер. В воздух вновь поднялась травяная пыль. Хозяин предгорья не удовлетворился бусинами и клювиком. Он жаждал крови.

— Бежим! — не выпуская руки брата, повторила Анипа.

Гул и ветер преследовали их, нагоняли грозовым накатом, толкали в спину, норовили опрокинуть. Ноги подворачивались на кочках, Анипа и Матыхлюк падали, но помогали друг другу встать и мчались дальше. Только не оглядываться! Что бы там позади ни происходило, Анипа не хотела этого видеть. Рядом, задорно подпрыгивая, пролетел нерпичий поплавок. Напрасная уловка. Если брат и заметил его, то не подал виду. Свободной рукой Матыхлюк зажал ухо. Наклонив голову, спрятал глаза от ослепляющего ветра.

Анипа сквозь слёзы высматривала путь, боялась, что в желтоватой взвеси вновь обнаружит силуэт лукавой горы, однако впереди открывался привычный простор Тихого дола. Бежать становилось проще. Ветер слабел. Таинственный гул рассеивался и вскоре стал неразличимым.

Добравшись до знакомых холмов и убедившись, что Каменный ручей далеко позади, Анипа и Матыхлюк остановились отдышаться и привести в порядок сбившуюся одежду.

— Мы были близко, — улыбнулась Анипа.

— Да, ещё чуть-чуть, и...

— ...и всё! Никаких тебе водорослей и никакого моржового жира.

Анипа заглянула в мешок с дикоросами. Увидела страшную грязюху из перемешанных растений. Показала её брату, и вместе они рассмеялись, до того нелепо выглядела их добыча.

— Я же обещала толкушу!

— И готовить не надо!

Матыхлюк, не удержавшись на зыбкой кочке, повалился на спину. Анипа, смеясь, опустилась рядом с ним. Устав от веселья, посерьёзнула и осмотрела ладони не перестававшего хихикать брата. Следов от злосчастного камня не нашла.

— Пора возвращаться.

Анипа и Матыхлюк отправились напрямик к Ворчливому ручью. Ни словом не обмолвились об утерянном поплавке и томившихся под прибрежной галькой рыбьих головах. Перейдя ручей, побежали и не останавливались до самого стойбища.

Глава вторая В БРЮХЕ У КИТА

Анипа говорила себе, что живёт в брюхе у кита, ведь землянки стойбища Нунавак были построены из китовых костей, добытых в те далёкие годы, когда Каменистый ручей ещё не пробил русло через Евражью поляну, а Прячущиеся озёра стояли полноводные и не исчезали даже в сухие месяцы. Сама Анипа не видела, но папа рассказывал и она